

18+

101 ИСТОРИЯ БУСИДО

ВЛАДИСЛАВ ОГАРКОВ

Владислав Огарков
101 История Бусидо

«Издательские решения»

Огарков В. А.

101 История Бусидо / В. А. Огарков — «Издательские решения»,

«101 история Бусидо» — это сборник лаконичных притч, глубоко укорененных в суровой культуре японского Средневековья. Эта книга служит прямым мостом к бескомпромиссной мудрости предков. Простые и самодостаточные истории погрузят вас в мир самурайской этики и железной дисциплины, помогая найти внутреннюю точку опоры и ясность в стремительном потоке современной жизни.

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Дань уважения	8
СВИТОК I	9
Четыре лепестка сакуры	9
Где начинается Путь	11
Сандалии у порога	12
Последний урок	13
Пища для страха	14
Идеальный момент	15
Урок разбитой чаши	16
Клетка отцовской заботы	17
Матануки	18
Вес прошлого	19
Эхо страха	20
Трусость*	21
Жалкая смерть	22
СВИТОК II	23
Идеальный ритм	23
Ученик без учителя	24
Две тени на стене додзё	25
Предательство ученика	26
Сад самурая	27
Клинок и зеркало	28
Идеальная стойка	29
Сражение без меча	30
Доспехи из шелка	31
Конь самурая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

101 История Бусидо

Владислав Алексеевич Огарков

© Владислав Алексеевич Огарков, 2026

ISBN 978-5-0070-1635-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Путь Самурая (Бусидо) — это сложная и зачастую суровая философская система, сформировавшаяся в условиях постоянных войн японского Средневековья. Работая над этими историями, я стремился сохранить первоначальную лаконичность и бескомпромиссность того времени.

Однако важно помнить: то, что в XVIII веке считалось высшим проявлением доблести (например, ритуальный уход из жизни), в XXI веке является трагедией и нарушением закона. Данная книга — это мост к мудрости предков, а не инструкция к поведению. Любое описание физического преодоления или смерти в тексте следует воспринимать как метафору внутренней борьбы человека со своими слабостями. Пожалуйста, подходите к чтению осознанно и помните о ценности человеческой жизни.

Предисловие

Странно искать ответы на вопросы нашего времени в кодексе воинов, живших четыреста лет назад. Но именно там я их нашел.

Долгие годы образ самурая привлекал меня своей безупречной эстетикой: строгостью линий, непоколебимым достоинством и молчаливой силой. Но любая внешняя форма рано или поздно либо отпускает, либо заставляет заглянуть глубже. Меня она повела за собой.

Погружение началось с трудов Ямамото Цунэтомо, Юдзана Дайдодзи и Миямото Мусаси. Параллельно я завел блог «Внутренний Самурай | Бусидо», в котором фиксировал размышления человека, ищущего в древних текстах мудрость, применимую в собственной жизни. Постепенно эти поиски начали обретать форму историй. Они вымышлены, но глубоко укоренены в подлинной культуре японского Средневековья. Когда таких рассказов накопились десятки, стало ясно: из них рождается книга.

Формат подсказал случайно найденный сборник «101 дзэнская история»: емкий, лаконичный и мудрый. Именно таким языком мне хотелось говорить о Пути воина.

Философия бусидо даровала мне самое ценное: смещение взгляда. Вместо погони за целью пришло восприятие жизни как Пути. Тревога о будущем сменилась присутствием в настоящем.

Семь добродетелей бусидо предстали передо мной в новом свете: это не свод правил, а черты характера обычного порядочного человека. Сложность лишь в том, что таким человеком еще предстоит стать. Жизнь непредсказуема, и удержать эти ориентиры в ее течении непросто. Но даже в условиях неопределенности они дают твердую почву под ногами. Работа над собой становится ежедневным и бесконечным трудом, и именно в этом, как мне кажется, и состоит сам Путь.

Эта книга написана для двух читателей. Знатокам трактатов эти притчи помогут уловить само дыхание эпохи, пережить древние концепции изнутри. Тем же, кто только начинает и пока лишь очарован самурайской эстетикой, она предложит плавное погружение в суровую и поэтичную атмосферу того времени, без сухой академичности.

Истории, собранные здесь, вымышлены. Но они выросли из реальных текстов и настоящих попыток жить по их бескомпромиссным принципам. Читайте их подряд или открывайте наугад. Каждая самодостаточна.

Пусть каждая история найдет того читателя, которому она нужна именно сейчас.

Дань уважения

Эта книга не появилась бы на свет без фундамента, заложенного столетиями назад. Я хочу выразить глубочайшую признательность и отдать дань уважения великим трактатам прошлого — таким как «Хагакурэ», «Будосёсинсю», «Книге пяти колец», а также записям бесед дзэнских мастеров. Именно эти тексты стали источником, из которого черпали вдохновение целые поколения, и именно они однажды повели меня за собой, изменив мой взгляд на многие привычные вещи.

В процессе работы над блогом и книгой я постоянно обращался к первоисточникам. Я видел, что многие классические притчи японского Средневековья несут в себе бескомпромиссную мудрость, которая применима в нашей жизни и сегодня. Однако историческая специфика и порой сухая академичность древних текстов часто создают дистанцию между изначальным смыслом и современным читателем.

Размышляя о том, как бережнее всего перенести эти идеи на страницы своей книги, я обратился к тем, для кого пишу — к читателям моего блога. Я провел открытый опрос, и подавляющее большинство читателей выразило желание увидеть мою авторскую адаптацию этих историй.

Следуя этому выбору, я включил в книгу ряд классических сюжетов, которые были переработаны и переосмыслены мной. Я постарался, чтобы сама суть Пути в этих историях зазвучала ясно и лаконично.

В знак глубокого уважения к первоисточникам и для удобства чтения, все адаптированные рассказы в этой книге отмечены специальным символом — (*).

СВИТОК I

Корни под талым снегом

*Изучение военных искусств сделает умного от природы еще умнее,
а глупого от природы — не столь безнадежным.
— Миямото Мусаси, «Книга пяти колец»*

Четыре лепестка сакуры

Весна в Киото была нежной, а воздух густым от аромата ранней сакуры. Под старым деревом, чьи ветви, отягощенные цветами, клонились к самой земле, встретились четверо юношей. Не братья по крови, но, что было в те годы важнее, братья по духу. У каждого на поясе был новый, не обгаренный кровью меч. Их взгляды горели.

— Клянемся! — сказал первый, Кэнси, красавец, чья улыбка сводила с ума дочерей торговцев. Его движения были отточены, а клинок он доставал из ножен так быстро, что глаз не успевал заметить.

— Клянемся! — подхватил второй, Акио. Его ум был острее, как лезвие танто, а слова могли убедить кого угодно в чем угодно.

— Клянемся! — выразительно объявил третий, Дзюн, мечтательный и чувствительный. Он видел поэзию в полете лепестка и в блеске полированной стали.

— Клянемся, — твердо произнес четвертый, Рёта. Он был не самым быстрым, не самым умным и не самым утонченным. Но его взгляд был уверенным, а рукопожатие было крепким.

Они поклонились друг другу, положив руки на рукояти мечей. Клятва была проста и величава: идти Путем Воина до конца, быть опорой друг другу и никогда не сворачивать с дороги чести. Лепестки сакуры падали им на плечи, словно благословляя. Они думали, что вместе им все по плечу.

Годы шли. Юноши выросли. И время, неумолимое, развело их жизни, как весенний ручей размывает песок. Узы братства, казавшиеся прочнее стали, начали таять под тихим давлением прожитых лет. Каждый потянулся к своему, принявшемуся за него искушению.

Кэнси, чей меч был быстрее ветра, встретил свое поражение не на поле боя, а в шелковых покоях. Его Путь был прямым и ясным, пока он не встретил ее, девушку с глазами, как темные озера. Он, покоритель сердец, был покорен сам. Мечты о славе растворились в шепотах за бумажной ширмой. Но она, устав от его пустых обещаний, однажды без слов собрала вещи и ушла к старому купцу, чей кошелек говорил красноречивее любых клятв. Он не смог справиться с врагом, которого нельзя было сразить клинком. Гордость, та самая, что заставляла его тренироваться до кровавых мозолей, теперь диктовала иной исход. В ту же ночь, в саду, он совершил сэппуку. Последним, что он увидел перед смертью, был не образ любимой, а лицо Рёты, смотрящего на него с немым укором.

Акио, наделенный даром убеждать, скоро понял, что честь стала дешевой монетой, а смекалка оказалась настоящим сокровищем. Он начал с ростовщичества, затем перешел к поставкам оружия, а после занялся товаром понежнее: веществом, привезенным с юга. Он оправдывал себя, называя это игрой, в которой он просто умнее других. Его поймали с большим грузом «снадобья, размягчающего волю». Доказательства были неопровержимы. Перед лицом публичного позора и казни он выбрал другой путь, предписанный законами его времени, сохранявший тень достоинства. Он прибегнул к древнему ритуалу, который в ту эпоху считался

высшим проявлением ответственности за содеянное. Но на церемонии сэппуку его лицо было искажено не болью, а яростью от неудачного расчета.

Дзюн, искавший в Пути красоту и смысл, не вынес его тяжести. Суровая реальность оказалась слишком уродливой. Утешение он нашел на дне керамических чашек, в сакэ. Поэзия сменилась забытием, мечты потонули в тяжелом угаре. Меч, тот самый, с которым он давал клятву, давно лежал в залоге у ростовщика. В попытке выкупить его и купить новую порцию забвения Дзюн в пьяном ослеплении полез в храмовый ящик для подношений. Его взяли, как щенка. Предложение о сэппуку стало для него последней, горькой возможностью закончить жизнь не в сточной канаве.

Под сакурой, пережившей уже не один десяток лет, остался лишь Рёта. Каждую весну дерево цвело снова, будто ничего не произошло. Рёта стал тем, кем мечтал стать: искусным, уважаемым воином. Но слава была ему не нужна. Он носил на своем сердце три раны, которые не затягивались.

Он приходил к Кэнси, умоляя того выбрать жизнь, а не самоубийство из-за неразделенной любви. «Она не стоит этого!» — кричал он. Кэнси лишь улыбался своей прежней, печальной улыбкой: «Ты не понимаешь. Я так ее люблю...».

Он пытался образумить Акио, говоря о долге и чести. Тот выслушивал его с вежливой, деловой ухмылкой: «Рёта, друг, ты живешь в прошлом веке. Честь не прокормит».

Он вытаскивал Дзюна из идзакая, мыл его, кормил. Тот клялся, что завязал, и снова пропадал в алкогольном угаре.

Как итог, от каждого поступала одна и та же просьба. Кэнси, Акио и Дзюн, каждый из них, принимая решение уйти, выбрал его, Рёту, своим кайсякунином. Тем, кто должен отрубить голову после сэппуку, чтобы прекратить страдания. Высокое доверие и страшная обязанность.

Рёта выполнил просьбу. Все три раза. Его клинок, тот самый, с которым они давали клятву, вкусил крови своих друзей. С каждым ударом что-то внутри него ломалось. Он отрубал не головы, а части своей юности, своей веры в братство.

Теперь он стар. Он стоит в тени и видит, как под все той же сакурой новая четверка юнцов, с пылающими глазами и нетронутыми мечами, дает ту же клятву. Их голоса звонки, их руки сжаты в обещании вечной верности.

Старый самурай не выходит к ним. Он не предостережет. Он знает, что они не поймут. Они еще верят, что Путь Воина означает славу, битвы и братство, скрепленное кровью.

Они не знают простой истины, которую он выучил ценою трех жизней: Путь Воина всегда остается путем одиночества.

Только когда ты остаешься один на один со своей честью, своими слабостями, своим страхом и своим мечом, только тогда ты понимаешь, что такое Путь. Братство, клятвы, общие мечты, все это лишь лепестки сакуры, которые опадают при первом же порыве ветра. Остаешься только ты. И тишина. И дерево, безучастное к твоим клятвам и твоему Пути, которое будет обрастать лепестками и сбрасывать их еще сто лет.

Рёта разворачивается и уходит, оставляя молодых их заблуждениям. На его плечо падает один-единственный лепесток, который он не смахивает.

Где начинается Путь

Самурай Нобутака пришел в горный храм на рассвете. Он был молод, ему еще не доводилось по-настоящему драться. Доспех сидел на нем неудобно, узлы на шнурах были завязаны старательно, а катана висела так, что он все время поправлял ее.

Внизу монах подметал каменные ступени. Метла шуршала ровно, без спешки, словно время здесь шло иначе.

Нобутака остановился и поклонился, как положено, но в поклоне было напряжение.

— Скажи, — спросил он, — где начинается Путь?

Монах не поднял глаз.

— Здесь, — ответил он.

Нобутака нахмурился.

— Я не о дороге в храм. Я о пути воина. Я учился, дал клятву, ношу катану. Говорят: «Иди по Пути». Но где его начало? С какого места я должен начать, чтобы не ошибиться?

Монах поставил метлу к стене и кивнул на тропу.

— Иди за мной.

Нобутака послушно пошел. Первый шаг... На втором он чуть ускорился, стараясь не отстать. Но монах просто остановился.

Юноша не успел и врезался ему в плечо. Рука дернулась к рукояти, больше от стыда, чем от угрозы: привычка удерживать себя «по-военному» была у него сильнее, чем опыт.

Монах повернул голову.

— Смотри под ноги, — тихо сказал он.

— Я смотрел, — поспешно ответил Нобутака. — Это вы остановились.

— Ты уже был на втором шаге, — спокойно сказал монах. — Даже не закончив первый.

Нобутака хотел возразить, но слова не нашлись, осталось только раздражение, которое всегда появляется, когда тебя ловят на очевидном.

Монах присел и показал пальцем на камень между следами сандалий.

— Вот где начало. Между первым шагом и вторым.

Нобутака молчал.

— Назад ты смотришь, когда вспоминаешь наставления учителей и отработку движений. Вперед — когда выдумываешь будущую славу и бежишь к ней, сбивая дыхание. А между... — он сделал паузу, — между ты живешь. Там ты видишь, куда ставишь ногу. Там рука не дрожит, потому что ей нечего догонять и нечего тянуть за собой. Там ты идешь по Пути.

Нобутака вспомнил строки, которые читал: «Безупречным считается тот, кто уходит от суеты. И делать это нужно решительно». Тогда это звучало возвышенно. Сейчас же все оказалось простым и ясным.

Сандалии у порога

Самурай Дзээн поднялся к храму Сайрин-дзи, когда сумерки уже соскользнули в вязкую тень. У ворот стояли сандалии, аккуратно поставленные носками ко входу.

Он толкнул дверь, но она не поддавалась. Постучал. Подождал. Снова постучал, уже резко и громко, не прося, а требуя. Внутри — тишина. Он обошел храм, заглянул в окно: только полумрак и запах благовоний. Раздражение поднялось в груди.

— Монах! — крикнул он. — Выходи!

Лишь безмолвие было ему ответом.

Дзээн простоял так долго, что холод успел пробраться под одежду. В голове одна за другой вспыхивали мысли: «Он прячется. Он слышит меня. Он смеется». И каждую подпирал один и тот же довод — сандалии у порога.

Наконец за храмом шевельнулась бамбуковая роща. Из сада вышел мужчина в выцветшей мантии, с садовыми ножницами в руке. Лицо спокойное, как поверхность пруда до того, как в него бросили камень.

— Ты искал меня? — спросил он.

— Я увидел сандалии и решил, что ты здесь, — резко ответил Дзээн. — Я звал, стучал, ждал... как дурак.

Старик равнодушно взглянул на обувь.

— Эти сандалии мои, — сказал он. — Но сегодня я оставил их здесь, чтобы ноги отдохнули. А сам был в саду. Ты увидел форму и додумал присутствие. Так же ты поступаешь и со страхом: замечаешь его след и уже дрожишь, будто он стоит перед тобой с мечом.

Дзээн хотел возразить, но слова застряли в горле. Он вспомнил ночные дозоры, когда хруст ветки превращался во врага. И как рука на рукояти холодела раньше, чем появлялась настоящая опасность.

Старик подошел ближе и негромко добавил:

— Если ты каждый раз рубишь воздух только потому, что он похож на угрозу, ты устанешь до того, как появится настоящий противник.

Последний урок

Старый мастер Цукимори лежал на циновке, чувствуя, как жизнь покидает его. Вокруг собрались лучшие ученики, ожидая последних наставлений. Но когда умирающий воин открыл рот, он произнес лишь одно слово:

— Боишься.

Они переглянулись. Самый дерзкий из них, молодой Таканори, не выдержал:

— Сэнсэй, это все? Где мудрость о доблести? Где наставления о чести?

Цукимори слабо улыбнулся:

— Ты прав. Расскажу историю.

Когда-то в этой самой комнате сидел юноша. Он мечтал стать величайшим фехтовальщиком Японии. Каждое утро он тренировался до кровавых мозолей, каждую ночь изучал трактаты. Но когда настала его первая смертельная битва...

Старик сделал паузу, глядя в потолок.

— Он проиграл. Потому, что в решающий момент задумался: «А вдруг моя техника недостаточно совершенна? Вдруг противник знает что-то, чего не знаю я?»

Таканори нахмурился:

— Но разве не так погиб великий Кэнсэй? Он же...

— Кэнсэй погиб не от меча, — перебил Цукимори. — Он умер от сомнений, еще до первого удара.

Комната затихла. Старый мастер с трудом приподнялся:

— Когда придет ваша очередь вступить в битву с врагом, вспомните: мастерство приходит не тогда, когда вы находите идеальный удар. А когда перестаете бояться неудачного.

Пища для страха

В прибрежной деревне жил рыбак по имени Макото. Каждое утро он выходил в море, но никогда не заплывал дальше видимости берега.

— Там может случиться шторм, — говорил он, глядя на горизонт.

— Там рыба, — поправляли его другие.

Но Макото лишь качал головой. Он знал истории о тех, кто осмеливался заплывать далеко. Их лодки разбивались о волны, их кости глодали рыбы.

Однажды ночью ему приснился сон. Он стоял на краю утеса, а перед ним простиралось бескрайнее море.

— Что ты видишь? — раздался голос.

— Я вижу смерть, — ответил Макото.

— Нет. Ты видишь только то, на что смотришь.

Проснувшись, он вышел на берег. Ветер трепал его одежду, волны бились о камни.

На этот раз он не повернул назад.

Через год Макото вернулся в деревню на новом корабле. В его трюмах было столько рыбы, что хватило бы на всю зиму.

— Как ты это сделал? — спрашивали его.

— Я просто перестал кормить страх, — отвечал он.

Теперь, когда шторм поднимал волны, Макото улыбался. Ведь это уже была не угроза, а попутный ветер.

Идеальный момент

Два молодых самурая, Дайки и Синго, влюбились в дочь местного правителя, прекрасную Мидзуки.

Дайки был лучшим мечником клана и безупречным знатоком этикета. Однако в делах сердечных он был осторожен так же, как и в бою. Он часами просчитывал каждое слово, писал ей стихи, но отправлял их тайно. Он ждал идеального момента, чтобы заговорить с ней: когда луна будет светить под правильным углом, когда рядом не будет служанок, когда он совершит великий подвиг, чтобы быть абсолютно уверенным в ее благосклонности. Он боялся отказа больше, чем вражеской стрелы.

Синго же был самым обычным воином, не блиставшим ни в поэзии, ни в фехтовании. Но его дух был свободен от страха показаться глупым. В один из дней, когда Мидзуки гуляла в саду в окружении свиты, Синго просто перемахнул через невысокую ограду, подошел прямо к ней и, почтительно поклонившись, громко и искренне признался ей в своих чувствах на глазах у всех стражников и служанок.

Его слова были лишены поэтического изящества, а стража уже схватилась за мечи за такую дерзость. Но Мидзуки, уставшая от бесконечных тайных вздохов и скрытых взглядов придворных кавалеров, рассмеялась звонким, искренним смехом. Ее покорила эта бесхитростная, отчаянная смелость воина, который рискнул своей головой ради того, чтобы просто посмотреть ей в глаза. Она остановила стражу и приняла его ухаживания.

Дайки, наблюдавший за этим из-за дерева со своим очередным идеальным стихотворением в руках, с горечью понял, что в любви, как и в бою, ожидание идеального момента равносильно поражению.

С тех пор самураи часто повторяют молодым юношам: «Робость никогда не помогала завоевать красавицу».

Урок разбитой чаши

Юному самураю поручили доставить могущественному соседу бесценную чайную пиалу, реликвию, от которой зависел шаткий мир между их кланами. Юноша нес деревянную шкатулку, судорожно прижимая ее к груди, боясь даже глубоко вздохнуть. Каждый шаг по неровной горной дороге давался ему с невероятным трудом: в его воображении пиала уже сотни раз выпадала из дрожащих рук, разбиваясь вдребезги, а вместе с ней рушилась его жизнь и честь его семьи. Он не мог ни есть, ни спать от гнетущего страха.

Сопровождавший его старый самурай, видя эти мучения, на третий день пути неожиданно выхватил шкатулку из рук посланника и со всей силы швырнул ее на придорожный валун. Послышался сухой, страшный хруст разбитой глины.

Юноша побледнел и рухнул на колени, закрыв лицо руками в немом ужасе.

— Что вы наделали?! — закричал он, срывая голос. — Это смерть! Наш клан опозорен! Нас обоих казнят!

— Да, — совершенно спокойно ответил самурай, садясь прямо в дорожную пыль. — Пиала разбита. Худшее, чего ты так отчаянно боялся все эти дни, уже произошло. Завтра нас казнят. А теперь скажи мне, чувствуешь ли ты сейчас тот сковывающий страх уронить ее, который мучил тебя вчера?

Юноша замер. Тяжелый ком, давивший на его грудь, внезапно исчез. Изматывающая тревога ожидания ошибки растворилась, оставив после себя лишь кристальную, ледяную ясность человека, чья судьба уже решена.

— Нет, — тихо ответил он, выпрямляя спину и поднимая спокойный взгляд. — Мне больше нечего бояться.

Старый воин улыбнулся и достал из своего глубокого походного мешка точно такую же шкатулку.

— Настоящая реликвия здесь, — сказал он, протягивая ее самураю. — А ту дешевую подделку, которую я только что разбил, я купил на рынке специально для тебя. Страх перед возможной неудачей был для тебя тяжелее самой неудачи, он делал твои руки слабыми. Теперь, когда ты пережил самое страшное в своем уме и обрел ясность человека, которому нечего терять, ты по-настоящему готов нести сокровище.

Клетка отцовской заботы

Кэнтаро был самураем, чьи ладони не знали вкуса сражений и крови. Его отец, Хидэмаса, оберегал сына с той отчаянной страстью, на которую способен лишь человек, чье сердце было зарыто в могилу вместе с женой, умершей при родах.

В додзё, когда наставники гнали мальчишек до кровавых мозолей, Хидэмаса уводил сына под благовидным предлогом. Если соседский ребенок калечился, упав с дерева, Хидэмаса молча срубал все деревья в саду.

Вопреки этому Кэнтаро вырос искусным. Его стойка была безупречной, а меч двигался чисто и плавно. Учитель хвалил его технику, но никогда не видел того, что происходило в душе юноши. В миг, когда противник делал резкий выпад, глаза Кэнтаро на долю секунды вздрагивали. В них все еще жил маленький мальчик, которого всегда вовремя уводили от беды.

Однажды на дороге у деревни Асагири трое ронинов вышли из тени леса. Хидэмаса, привыкший быть щитом для сына, не успел развернуться. Удар в спину свалил старого самурая в дорожную пыль.

Кэнтаро успел выхватить катану из ножен. Он знал, как победить троих; мастерство было в его мышцах. Но впервые в жизни между ним и миром не было отцовской руки. Исчезла невидимая преграда, защищающая его от боли, и Кэнтаро замер. Пока он собирал себя с мыслями, разбойники, не желая лишней крови, забрали все ценное и скрылись.

Той же ночью, глядя на свои чистые, лишённые шрамов ладони, Кэнтаро осознал: ни один наставник не сможет научить самурая тому, чему учит твердая земля под ногами в тот миг, когда некому убрать преграду с твоего пути.

Матануки

Китадзава Морио вспоминал этот день редко, но никогда его не забывал. Некоторые вещи живут сами по себе.

Ему было тринадцать лет. Отец уехал с отрядом господина на север, дом опустел. Мать занималась хозяйством, младшая сестра спала.

Через три месяца отец должен был взять его на первые учения, настоящие. Морио думал об этом каждый день. И каждый день понимал, что боится. Не учений, не боли, а того, что там, при всех, его страх будет видно на лице.

Он сидел во внутреннем дворе и смотрел на свои руки. Потом достал отцовский танто.

Морио слышал про матануки от старших и решил повторить.

Никто не смотрел. В этом было все.

Мальчик чувствовал, как холод металла спорит с жаром его решимости. Он не смотрел на лезвие, он смотрел внутрь себя. Вспышка острой боли в бедре стала для него подтверждением того, что дух сильнее плоти.

Морио сидел прямо и смотрел на старую вишню у забора, на ее кривые ветки, на кору, растрескавшуюся за долгие зимы.

Потом убрал нож. Зажал рану краем одежды.

Ничего не изменилось вокруг. Мать гремела посудой за стеной. Сестра спала. Ветер шевелил ветки вишни.

Через много лет, уже седой, Морио иногда думал об этом дне. О дворе, о вишне, о тишине. Думал о том, что вишня каждую весну цветет одинаково, видит ее кто-нибудь или нет.

Вес прошлого

Молодой самурай Итиро пришел в горный храм к старому монаху. Лицо юноши было осунувшимся, а под глазами залегли глубокие тени, выдававшие долгие бессонные ночи.

— Учитель, — тихо сказал он, опустившись на колени. — Три года назад я принял неверное тактическое решение в бою. Из-за моей горячности погибли двое верных товарищей. С тех пор я молюсь богам, тренируюсь до изнеможения, но вина не отпускает меня ни на секунду. Как мне избавиться от этой тяжести?

Монах промолчал. Он взял со стола пустую бамбуковую чашку для чая, налил в нее немного воды из кувшина и протянул Итиро на вытянутой руке.

— Тяжелая ли эта чашка? — спросил старец.

— Нет, она почти ничего не весит, — удивленно ответил самурай.

— А если я буду держать ее в таком положении целый час?

— Тогда у вас заболит плечо.

— А если я продержу ее так весь день?

— Ваша рука онемееет, мышцы сведет судорогой, и эта маленькая пиала покажется вам тяжелее мельничного жернова, — ответил Итиро.

— Изменился ли при этом вес самой чашки? — спросил монах.

— Нет. Вес остался прежним.

Монах разжал пальцы, и бамбуковый сосуд со стуком упал на татами, пролив воду.

— Твоя вина весит ровно столько, сколько положено весить ошибке. Но ты держишь ее на вытянутой руке уже три года. Неудивительно, что она придавила тебя к самой земле. Любую ошибку нужно усвоить, как глоток воды, а саму чашку отпустить.

Эхо страха

Молодому гонцу по имени Синдзи поручили отнести важное донесение через ущелье Шепчущих Духов. Об этом месте ходили жуткие слухи: говорили, что всякий, кто войдет туда ночью, лишится рассудка от голосов мстительных призраков.

Синдзи зажег факел и шагнул во тьму. Вскоре он действительно услышал леденящий душу шепот и чьи-то тяжелые шаги прямо у себя за спиной. Его сердце бешено заколотилось, рука сама потянулась к рукояти меча. Он готов был поддаться панике и побежать назад, но вспомнил слова своего наставника: «Твой самый страшный враг всегда дышит тем же воздухом, что и ты сам».

Синдзи остановился, закрыл глаза и сделал глубокий вдох, силой воли успокаивая ритм своего сердца. Шаги позади тоже стихли. Шепот прекратился. Юноша вдруг понял, что причудливая форма узкого ущелья просто искажала и многократно отражала его прерывистое дыхание и хруст сандалий.

Улыбнувшись своей мнительности, гонец уверенно зашагал вперед. Он осознал, что настоящая смелость заключается не в отсутствии страха, а в умении остановиться и посмотреть ему прямо в глаза, чтобы увидеть там лишь собственное отражение.

Трусость*

Молодой самурай пришел к монаху Сэйгану, когда тот пил чай, и сказал:

— Учитель, я трус. Как мне избавиться от этого?

— Трус? — Сэйган оживился. — Покажи мне свою трусость.

— Я не могу ее показать.

— Когда сможешь?

— Она приходит сама. В бою, перед схваткой. Я не управляю этим.

Сэйган помолчал.

— Значит, это не твоя трусость. Твое — то, что всегда с тобой. То, с чем ты родился. Твое имя всегда с тобой. Твои руки всегда с тобой. А это приходит и уходит само. Как ты называешь своим то, что не спрашивает твоего разрешения?

Самурай молчал.

— Подумай об этом, — сказал Сэйган и вернулся к чаю.

Жалкая смерть

Самурай Фудзита Сёдзи жаловался чаще, чем следовало. Когда на тренировках его задевали слишком сильно, он морщился и долго растирал ушиб, поглядывая по сторонам, ожидая сочувствия. Когда его обходили при распределении наград, досадовал на несправедливость в кругу других самураев. На ночных дозорах сетовал на холод. На летних учениях жаловался на жару. Люди поначалу слушали. Потом начали отходить в сторону, едва завидев его.

На третий год моногасира Накано вызвал его перед строем. Сказал, что Фудзита слаб духом. Что такой человек в клане как гнилая доска в полу. Потом зачитал решение совета: лишение положения, конфискация имущества, немедленное выдворение с территории. Имя Фудзиты вычеркивалось из списков клана. Отныне он был никем.

Фудзита шел и думал об одном: это несправедливо.

К концу третьего дня обида затвердела в нем окончательно. Он добыл темную одежду, замотал лицо, дождался безлунной ночи.

До поместья добрался без происшествий. Перелез через стену. Прошел между деревьями, почти не дыша.

Стражник увидел его случайно, просто повернув голову не в ту сторону. Фудзита побежал. Через сад, через чей-то курятник. Поднял страшный шум. Перелетел через ограду и бежал еще долго, пока не упал в канаву за городом.

Погони не было. Но страх уже поселился у него в сердце.

Он решил, что его ищут. Что пришлют тихих и опытных людей, которые придут за ним ночью. Сменил город. Взял другое имя. Отпустил бороду. В каждом незнакомом лице видел соглядатая. Если кто-то смотрел слишком долго, он уходил в тот же день.

Деньги кончились быстро. На службу без рекомендательных писем не брали. Он перебивался случайной работой, потом подаянием. Ел что придется. Спал под навесами. Страх не уходил, а со временем и вовсе перестал нуждаться в причинах.

Он умер в начале осени, в переулке портового города, которого никогда раньше не видел. Просто лег вечером и не проснулся. Сердце остановилось тихо. Рядом не было никого. Похоронили за городом, без таблички.

Так сложилась жизнь человека, не знавшего на службе ничего, кроме жалоб, а на воле не ведавшего ничего, кроме страха. Насколько жалкой он сам бы посчитал ее, если бы знал, что после того ночного нападения никто не стал его преследовать. В клане решили, что через стену перелез мелкий воришка. Усилили охрану на месяц. Потом забыли.

СВИТОК II

Первый гром вдали

Всю свою жизнь прилежно учишь. Каждый день становишься более искусным, чем ты был за день до этого, а на следующий день — более искусным, чем сегодня. Совершенствование не имеет конца.

— Ямамото Цунэтомо, «Хагакурэ»

Идеальный ритм

Тосиро был невероятно одаренным мечником, но сражался как лесной пожар: яростно, хаотично и непредсказуемо. В поединках он с первых же секунд обрушивал на противника град ударов. Он часто побеждал, но к концу боя едва стоял на ногах, задыхаясь от усталости, а его защита имела смертельно опасные бреши.

— Твое владение мечом превосходно, — качал головой старый наставник, — но оно лишено ритма. Ты растрачиваешь свою энергию впустую.

Однажды вечером учитель привел Тосиро на представление театра Но. Юноша изнывал от скуки: актеры двигались невыносимо медленно, их шаги казались неподъемными, а тягучие звуки флейты лишь раздражали его привыкший к скорости ум.

— Смотри не на их яркие одежды, а на течение времени, — прошептал наставник. — Весь театр Но, как и любое другое искусство, подчинен великому закону «дзё-ха-кю».

Тосиро непонимающе нахмурился.

— «Дзё» — это начало, — не отрывая взгляда от сцены, продолжил старик. — Оно медленное, плавное, как вода, собирающаяся у плотины. В нем нет спешки, но в нем скрыта потенциальная мощь. «Ха» — это разрушение покоя. Ритм ускоряется, напряжение нарастает, плотина дает трещину. А «Кю» — это финал. Стремительный, как удар молнии, и столь же неотвратимый. Ты же, Тосиро, всегда начинаешь с «Кю». Твоя молния бьет без туч, поэтому она быстро гаснет.

Юноша снова посмотрел на сцену. И вдруг он увидел это. Он заметил, как плавный, гипнотический танец актера постепенно, шаг за шагом, начал набирать пугающую силу, затягивая весь зал в свой ритм, а затем разрешился одним резким, абсолютным по своей точности взмахом веера, от которого у Тосиро перехватило дыхание.

На следующий день Тосиро вышел на учебный поединок против самого сильного ученика школы. Вместо привычного яростного броска он слегка опустил острие меча и начал двигаться медленно, почти лениво, словно в трансе. Его разум очистился, став подобным гладкому зеркалу горного озера. Противник, ожидавший урагана и сбитый с толку этой неторопливостью, раздраженно шагнул вперед, пытаясь навязать свой темп.

Тогда Тосиро неумовимо изменил ритм. Он резко скользнул в сторону, меняя траекторию удара. Противник замешкался лишь на долю секунды, но этого хватило.

Деревянный боккэн Тосиро с сухим щелчком остановился в волосе от шеи старшего ученика. Бой закончился, едва успев начаться, а дыхание Тосиро оставалось таким же ровным, как если бы он просто сидел в тишине. Он не потратил ни одной лишней капли сил. Он познал идеальный ритм.

Ученик без учителя

В горах Хида жил старый мастер меча, известный тем, что побеждал всех, кто осмеливался бросить ему вызов. Однажды к нему пришел юноша и сказал:

— Я хочу учиться у тебя. Покажи мне свой стиль.

Старик лишь усмехнулся:

— У меня нет стиля.

— Но как же ты побеждаешь?

— Я использую то, что работает.

Юноша не понял. Тогда старик предложил ему понаблюдать за тренировками в ближайших додзё.

Через месяц юноша вернулся.

— Я посетил пять школ фехтования, — сказал он.

— И что ты понял?

— Что все они уникальны, сильны по-своему, но от того несовершенны.

Старик кивнул:

— Хорошо. Теперь иди к банде речных разбойников и научись их грязным приемам.

Юноша ушел. Когда он вернулся через полгода, в его движениях не было ни грации, ни стандартов, что преподавали в школах. Но когда он брал в руки меч и вступал в бой, все могли наблюдать чистую эффективность.

— Теперь ты понял, — сказал старик. — Мастерство не в стилях и не в техниках. Оно в том, что работает.

Юноша больше не искал себе определенного учителя. Он искал только то, чему можно научиться.

Две тени на стене додзё

В провинции Оми было два брата-самурая. Старший, Хиротака, с детства копировал каждое движение знаменитого фехтовальщика Ягю Дзюбэя: его стойку, манеру держать меч, приемы. Младший, Кэнсиро, лишь удивлялся:

— Зачем быть тенью великого, если можно излучать собственный свет?

На турнире в Киото Хиротака вышел в финал, идеально повторив все приемы Ягю. Но когда он бросил вызов самому мастеру, тот парировал его удар... и вдруг рассмеялся:

— Ты бьешься, как я двадцать лет назад. Но я с тех пор изменился.

Хиротака проиграл в три счета.

Наутро он сжег все записи о приемах Ягю и стал учиться по-новой. Через пять лет основал собственную школу. Говорят, когда к нему привели талантливого юношу, копирующего его движения, старый самурай вылил ему на голову чашку ледяной воды.

Предательство ученика

Мастер Кэндзи́ро обучал юношу Сайто, видя в нем будущего наследника школы. Но однажды Сайто возгордился: «Я уже превзошел учителя. Я не нуждаюсь в его наставлениях».

Он ушел, забрав с собой секретные записи школы. Годы спустя Сайто основал собственное додзё, где хвастался «своим» стилем и принимал учеников.

Однажды в его зал вошел седой странник. Никто не узнал в нем старого Кэндзи́ро.

— Я хочу испытать мастера, — тихо произнес он.

Сайто усмехнулся и вышел на татами. Но первый же удар странника выбил меч из рук Сайто. Второй удар рассек грудь ученика.

Когда умирающий Сайто узнал в нем своего учителя, он попытался сказать: «Простите...»

Но Кэндзи́ро холодно произнес:

— Твой грех не в том, что ты ушел. А в том, что ты предал.

Ученики нового додзё упали ниц перед стариком.

Разве может клинок ученика, предавшего своего учителя, оставить иной след в истории, кроме пятна бесчестья?

Сад самурая

В одной деревне жил старый самурай, славившийся не только мастерством меча, но и необычайной мудростью. Возле его дома был сад, за которым он тщательно ухаживал.

Как-то раз к нему пришел молодой воин, полный высокомерия.

— Мастер, — сказал он, — я хочу стать величайшим мечником Японии. Научи меня своим приемам!

Самурай молча указал на свой сад.

— Видишь эти два дерева? Одно я поливал чистой родниковой водой, другое — помоями. Посмотри, какими они выросли.

Первое дерево было стройным, с сочной листвой и сладкими плодами. Второе было кривым, с чахлыми листьями, а его плоды горчили.

— Но ведь это же просто деревья! — воскликнул юноша. — Какое отношение это имеет к фехтованию?

— Твой разум — тот же сад, — ответил старик. — Если наполняешь его мудростью великих предков, чистотой помыслов и благородными идеями — твои поступки станут прямыми, а удары — точными. Если же засоряешь его пустыми спорами, завистью и ложью — твоя техника будет уродливой, как это дерево.

— Но я же тренируюсь каждый день!

— Тренируешь тело, но забываешь о разуме. Меч — лишь продолжение твоих мыслей. Что в голове, то и на кончике твоего меча.

Клинок и зеркало

В старой школе фехтования у подножия горы Сува учеников обучали так же строго, как закаляют сталь: огнем, водой и терпением. Среди них выделялся молодой самурай Арита. Он был быстрым, как ветер, и гордым, как огонь. Его клинок всегда первым касался цели, а глаза сияли уверенностью.

Когда пришло время получить собственное оружие из рук наставника, все ждали, что учитель вручит ему лучший меч из сокровищницы. Но старый мастер вынес простое круглое зеркало в деревянной оправе.

— Учитель, — удивился Арита, — я прослужил школе верой и телом. Почему мне дают зеркало, а не клинок?

Седой наставник посмотрел на него и сказал:

— Пока ты ищешь врага вовне, ты еще ученик. Когда найдешь его в зеркале, ты станешь воином.

Арита принял дар, но в душе его пылала обида. Он хранил зеркало в сумке и продолжал тренироваться, оттачивая удары и гордясь своей скоростью.

Прошло немного времени, и судьба привела его на поле боя. В сражении против соседнего клана Арита вышел один на один с опытным противником. Их клинки скрестились, и вдруг молодой самурай понял, что привычная стремительность не приносит победы. Противник отражал каждый выпад спокойно, словно заранее знал его движения.

Злость вспыхнула в груди Ариты. Он бил все быстрее, тяжелее, ярость смешивалась с отчаянием. В ушах звенел смех врага:

— Ты машешь мечом, словно мальчик, гоняющий воробьев!

Силы таяли. И в тот миг, когда руки дрогнули, Арита почувствовал тяжесть у пояса, там, где в сумке лежало зеркало. Он выхватил его и на миг взглянул. В отражении он увидел лицо, искаженное гневом. Не враг стоял перед ним, а он сам, потерявший ясность и честь.

Арита глубоко вдохнул, опустил клинок к бедру и очистил дыхание. Когда он поднял глаза, в сердце его был не жар пламени, а гладь озера. Теперь он видел не ярость врага, а пустоты в его защите. Сражение продлилось недолго.

Противник пал, а Арита вложил меч в ножны и посмотрел на зеркало. Отражение было тем же, но взгляд изменился.

С тех пор зеркало Арита всегда лежало рядом с мечом и напоминало ему, что враг снаружи лишь отражение врага внутри. Тот, кто владеет собой, владеет и клинком.

Идеальная стойка

Самурай по имени Дзиро долгие годы посвятил тому, чтобы сделать свою технику фехтования безупречной. В его движениях не было ни единого изъяна, ни одного лишнего вдоха или невыверенного шага. Однако эта внешняя безупречность имела свою цену: Дзиро никогда не вступал в бой, если не был абсолютно уверен в своей победе. В любой схватке его разум непрерывно просчитывал углы, дистанцию, силу ветра и возможные ошибки противника, чтобы самому всегда выглядеть идеально.

Однажды в его провинцию пришел бродячий мечник, чьи движения казались невероятно нелепыми и угловатыми. Вызвав Дзиро на тренировочный поединок, незнакомец встал в совершенно открытую, смешную стойку, опустив клинок и оставив грудь полностью незащищенной.

Дзиро занес меч, но замер. Его изощренный ум начал лихорадочно искать подвох: «Это ловушка? Если я ударю прямо, он применит скрытый контрприем? А если я промахнусь и потеряю равновесие, моя слава непобедимого мастера будет разрушена на глазах у всех».

Секунды сменялись минутами. По лбу Дзиро катился холодный пот, а мышцы свело судорогой от чудовищного напряжения, в то время как незнакомец стоял абсолютно расслабленно, с легкой полуулыбкой слушая пение птиц. Наконец Дзиро, измученный собственным страхом совершить ошибочное действие, выронил деревянный меч и упал на колени, тяжело дыша.

— Твоя техника прекрасна, — мягко сказал бродяга, опуская свой боккэн, — но твой разум заперт в золотой клетке твоей же гордыни. Ты так боишься показаться неуклюжим и совершить ошибку, что предпочел сдаться, даже не попытавшись нанести удар. Истинный воин позволяет себе быть нелепым, ошибаться и падать, ибо только в отказе от своей «идеальности» рождается подлинная свобода в бою.

Сражение без меча

В додзё провинции Тотоми юный Иори тренировался с удвоенным усердием. Когда другие ученики отдыхали, он отрабатывал удары мечом. Старый сэнсэй, наблюдая за ним, однажды спросил:

— Почему ты тренируешься только с мечом, мальчик?

— Чтобы стать великим мастером меча, — ответил Иори.

— А если в бою твой меч сломается? — усмехнулся учитель.

Юноша замер в недоумении. На следующее утро сэнсэй собрал всех учеников на необычное занятие. Бой без оружия.

Когда очередь дошла до Иори, старый мастер бросил ему:

— Твой меч сломан. Что будешь делать?

Иори ринулся в бой, но был повержен за пару мгновений. Поднимаясь с земли, он увидел, как сэнсэй демонстрирует приемы.

Он грациозно использовал все части своего тела. Словно каждая его клетка представляла из себя смертельное оружие. В этот момент все были уверены, что, даже потеряв обе руки, он найдет, что противопоставить противнику.

Годы спустя Иори возглавил оборону замка. Под натиском превосходящего по численности противника он постепенно отступал в глубь замка, попутно теряя своих воинов. Оставшись единственным выжившим, с тремя стрелами в теле и отрубленной рукой, он отбивался от последних нападавших, защищая покои господина.

Подоспевшие на помощь нашли его без сознания, впившегося зубами в горло последнего нападавшего.

Доспехи из шелка

Самурай Рюносукэ три года скитался по дорогам, избегая сражений. Когда-то он был телохранителем даймё, пока однажды не пропустил удар — копье пронзило его господина насквозь. С тех пор он носил доспехи, в которых не было ни одной прорехи: стальные пластины, усиленные кольчугой, шлем с забралом, закрывающим даже лицо.

Однажды на горном перевале его остановил седой ронин с потрепанным мечом.

— Ты похож на железную черепаху, — усмехнулся старик. — Но даже у нее есть щель между панцирем и пластроном.

— Мои доспехи совершенны, — буркнул Рюносукэ, прикрывая рукой единственное слабое место — узкий зазор под мышкой, где сходились пластины.

Старик покачал головой:

— Воин не имеет отношения к совершенству или неуязвимости. Он полностью уязвим. Это единственная настоящая храбрость.

Ронин расстегнул поношенное кимоно, обнажив грудь, покрытую шрамами.

— Видишь эти раны? Каждая из них могла стать смертельной. Но я стою здесь, потому что принимал их, не прячась за мнимым ощущением безопасности.

Рюносукэ молча сжал кулаки. Старик продолжал:

— Ты боишься не смерти. Ты боишься снова ошибиться. Но именно этот страх делает тебя слабым.

На следующее утро путники нашли броню Рюносукэ оставленной у дороги.

Говорят, с тех пор его видели только в простом шелковом кимоно.

Конь самурая

Коня звали Куро за масть, черную без единого пятна. Он родился в хорошем табуне, рос сильным, и в три года объездчики сказали, что из него выйдет отличный боевой конь. Так и вышло бы, если бы его не купил Ямада.

Ямада был мелким землевладельцем с большими долгами и скверным характером. Он купил Куро дешево: продавец чуть уступил в цене, потому что конь показался ему слишком живым и своевольным. Ямада решил, что справится.

Не справился. Когда Куро не слушался, Ямада бил. Если конь пугался, Ямада бил сильнее. Кормил плохо, держал в тесном стойле, выгонял на холод раньше, чем нужно. Через год Куро из живого и сильного превратился в пугливого, вздрагивающего от каждого резкого звука. Объездчики, видевшие его в детстве, не узнавали.

Когда дела Ямады стали совсем плохи, он продал коня первому, кто дал хоть какие-то деньги.

Тем первым оказался крестьянин Хэйта, широкоплечий, немолодой, с руками, привыкшими к тяжелой работе. Он купил Куро не из жалости: просто нужна была рабочая лошадь для поля, а эту отдавали почти даром.

Хэйта был человеком добрым, но практичным. Он откормил коня: давал зерно, следил за копытами, не бил никогда. Куро поправился быстро: ребра скрылись под нормальным слоем мышц, шерсть снова заблестела, взгляд стал менее пустым. Крестьянин относился к нему хорошо, настолько хорошо, насколько умел относиться к рабочей скотине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.